

Поэтологические штудии

Алена Еременко

Два случая «литературной климатологии»

НЕЗАМЕЧЕННЫЕ МЕСТА У ШАМШАДА АБДУЛЛАЕВА
И АНДРЕЯ ЛЕВКИНА

Alena Eremenko

Two Cases of «Literary Climatology»: Missing Places in the Texts of Shamshad Abdullaev and Andrei Levkin

Алена Еременко

Российский государственный гуманитарный университет, Институт филологии и истории, кафедра теории и истории гуманитарного знания; преподаватель
alenamonet969@gmail.com.

Ключевые слова: Шамшад Абдуллаев, хлопковое дело, геокритицизм, Андрей Левкин, Киотская школа, башё, литературная климатология

УДК: 82.091

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_254

В статье предлагаются геокритический и климатологический подходы к анализу литературных текстов двух представителей русскоязычной географической периферии. Рассказ Шамшада Абдуллаева «Язьяван» (2020) и сборник прозы Андрея Левкина «Дым внутри погоды» (2016) выстраиваются путем импликации в нарративную интригу климата в природном смысле и «климата истории» (термин Динеша Чакарбарти). В случае Абдуллаева медиатором такого двойного понимания климата выступают уникальный природный ландшафт Ферганской долины — и в особенности Язьявана — и хлопок как маркер трагического периода истории Узбекистана. В случае Левкина обнаруживается корреляция фиксаций погодно-климатических условий с рефлексией места и письма,

Alena Eremenko

Russian State University for the Humanities, Institute of Philology and History, Department of Theory and History of the Humanities; Lecturer
alenamonet969@gmail.com.

Keywords: Shamshad Abdullaev, the Cotton scandal, geocriticism, Andrei Levkin, Kyoto school, basho, literary climatology

UDC: 82.091

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_254

The article offers geocritical and climatological approaches to the analysis of literary texts by two representatives of the Russophone geographical periphery. Shamshad Abdullaev's short story «Yazyavan» (2020) and Andrei Levkin's prose collection «Smoke Inside the Weather» (2016) are constructed by implicating climate in the natural sense and the climate of history (Dipesh Chakrabarty's term) in their narrative intrigue. In Abdullaev's case, the mediator of this dual understanding of climate is the unique natural landscape of the Ferghana Valley and Yazyavan in particular, and cotton as a marker of a tragic period in Uzbekistan's history. Levkin's case reveals a correlation between weather and writing, which is viewed through Eastern philosophy from two perspectives: Chinese shan shui painting and the Japanese concept of basho. Attention to climate in the natural, historical

что рассматривается через близкую для Левкина восточную философию с двух точек зрения: китайского пейзажа шань-шуй и японского концепта места басё. Внимание к климату в экологическом, историческом и политическом смыслах проливает свет на происхождение разбираемых текстов и расширяет представление о генезисе стилей писателей.

and political sense sheds light on the historical and cultural background of Abdullaev's and Levkin's texts and broadens the understanding of the genesis of their writing styles.

Как можно сопоставить столь разные творческие стили? Андрей Левкин — продолжатель поэтики ленинградских неподцензурных писателей¹ и одновременно ключевая фигура рижского литературного процесса. Шамшад Абдуллаев — основатель Ферганской поэтической школы, носящей черты постколониального литературного проекта². Географическое положение двух писателей также различается, и, хотя обе территории, Латвии и Узбекистана, находились на периферии Советского Союза, различия в их культурных контекстах не сглаживались советской идеологией. Илья Кукулин предложил считать общим местом в рижском и ферганском центрах русскоязычной литературы установку на открытую пограничность, подразумевая за географической метафорой исторический процесс³. Если же подойти буквально к этому предположению, то ставится задача объяснить специфику писательских стилей через географические или средовые условия. Здесь представляется уместным применить подход геокритицизма, разработанный Бертраном Вестфалем на основе пространственно ориентированных гуманитарных теорий, таких как геоистория Фернанда Броделя, понятие хронотопа Михаила Бахтина, гуманитарная география Дэвида Харви и проч. Согласно Вестфалу, «геокритика склоняется к геоцентрическому подходу, который ставит *место* в центр дискуссии»⁴ (курсив автора. — А. Е.). В случаях Левкина и Абдуллаева речь пойдет не столько о специфике репрезентированных в их прозе мест, сколько об игнорировании ими русской истории, частью которой в известном смысле были и они сами⁵.

- 1 См. работы: *Снытко С.* Субъект и жанр в «поэтике ущерба» (О «романах» Андрея Левкина) // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 252–277; *Конаков А.* Преодолеваю автаркию (О «Заметках» Леона Богданова) // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 244–251.
- 2 *Корчагин К.* «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // Новое литературное обозрение. 2017. № 144. С. 448–470.
- 3 Под «открытым пограничьем» понимается «новый тип отношения к инокультурным событиям, к собственному опыту и к существованию “я” во времени» (*Кукулин И.* Фотография внутренностей кофейной чашки // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 262).
- 4 *Westphal B.* Geocriticism: Real and Fictional Spaces. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 112.
- 5 Применительно к рижанам Кукулин пишет: «Авторы “Родника” воспринимали себя или воспринимались читателем... на фоне преемственной, пусть и постоянно рвущейся, европейской (или восточноевропейской) истории — а не на фоне русско-имперской истории, которая может быть понята как остановка времени или время коллективной катастрофы, вырванной из общемирового контекста истории» (*Кукулин И.* Фотография внутренностей кофейной чашки. С. 266). Ср. применительно к ферганцам: «Принципиальной для большинства “ферганцев” стала идея Среди-

В настоящей работе я предлагаю совместить геокритический подход с концептом «климата истории» индийского постколониального историка Дипеша Чакрабарты, который был равно озабочен и тупиком исторического мышления, и экологическим кризисом⁶. Тексты же Левкина и Абдуллаева можно считать «климатологической прозой»: под этим названием будут пониматься не жанры *Anthropocene fiction* и *climate fiction*, где изображаются апокалиптические экологические сценарии⁷, но та литература, где геологические и климатические образы — такие как степной ландшафт у Абдуллаева и погодные условия у Левкина — не только определяют уникальные писательские стили и образы, но и передают окружающие эту прозу климатическую, историческую и политическую среды.

Экологический детектив по-узбекски

Среди текстов Шамшада Абдуллаева я остановлюсь на одном, написанном в 2020 году. Название текста «Язъяван» — топоним, прокомментированный автором так: «патриархальный, полусельский городок в Ферганской долине»⁸. Непримечательность места усилена временным маркером — 1960 год. Период 1960–1980-х в истории Узбекистана увенчался так называемым «хлопковым делом». Начатое в 1983 году под руководством Тельмана Гдляна и Николая Иванова расследование многолетних мнимых поставок хлопчатника из Республики в центр породило атмосферу подозрения, тревоги и страха, окутавшую весь регион. Последовавшие за этим делом в 1989–1991 годах гражданские столкновения на почве этнических, религиозных, политических разногласий (в Фергане, Коканде, Оше — последний на территории Кыргызстана) обнажили глубокий кризис в социально-политической и экономической сферах не только Узбекистана, но и всех союзных республик⁹. Упоминание хлопка в повседневной речи является устойчивой метонимией этих событий: так, в двух интервью, взятых Артемом Космарским у представителей узбекской интеллигенции Равшана Абдуллаева и Александра Куприна (первый — брат, а второй — старший друг и наставник Шамшада Абдуллаева), упоминание хлопковых событий ограничивается словом «хлопок» и фамилиями следователей Гдляна и Иванова¹⁰.

земноморья как идеального образа встречи “западных” и “восточных” культур. Многонациональная Ферганская долина может быть прочитана как своего рода дальний отзвук эллинистической Александрии и понимается как место, пересеченное исторически наслаивающимися путями: походы Александра Македонского, путешествие Марко Поло и т.д.» (Там же. С. 275).

- 6 Чакрабарты Д. Климат истории: четыре тезиса // Чакрабарты Д. Об антропоцене / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V-A-C Press, 2020. С. 4–75.
- 7 См. работы: Trexler A. Anthropocene Fictions: The Novel in a Time of Climate Change. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2015; Andersen G. Climate Fiction and Cultural Analysis: A New Perspective on Life in the Anthropocene. London: Routledge, 2019.
- 8 Здесь и далее цитаты из рассказа «Язъяван» приводятся по интернет-изданию: Абдуллаев Ш. Язъяван // Интерпоэзия. 2024. № 1 (URL: <https://interpoezia.org/content/yazyavan/>).
- 9 См.: Юнусова Х.Э. Социально-экономические процессы и духовная жизнь в Узбекистане в 80-х годах XX века. Автореф. дисс. на соиск. степ. канд. ист. наук. 2009.
- 10 Автор выражает благодарность Артему Космарскому за возможность прочитать неопубликованные расшифровки интервью с очевидцами описываемых событий.

В «Язъяване» хлопок упоминается трижды, дважды с комментариями, намекающими на особое положение хлопка в смысловой структуре рассказа. Начало текста изображает прием партийных гостей, высокий статус которых подчеркивается их белыми, накрахмаленными рубашками из *хлопка*: «...таких [рубашек. — А.Е.] не сыщешь днем с огнем — чистый *хлопок* [курсив здесь и далее мой. — А.Е.] и молочный шелк». Упоминаемый ранее в тексте 1960 год может намекать на былой расцвет хлопковой промышленности Узбекистана, когда производство хлопка не форсировалось и качество сырья было значительно выше.

Историческое значение хлопка как колониального ресурса в регионе не исчерпывается позднесоветским детективным разбирательством. Ферганская долина — один из самых развитых сельскохозяйственных регионов в Центральной Азии за счет сочетания большой площади естественных оазисов с ирригационной инфраструктурой, складывание которой фиксируется здесь уже в железном веке¹¹. К началу XX века расширение территории хлопковых посевов не было сельскохозяйственной задачей местного населения, но входило в планы соседнего государства — Российской империи. «Впустую лежащие» территории «голодной степи», как выражались российские чиновники, стали приоритетным направлением для имперской экспансии на рубеже XIX–XX веков, и именно на хлопок была сделана ставка на юго-восточном фронтире империи¹². Примером служил опыт Соединенных Штатов, где достижения в хлопководстве привели к росту экспорта сырья, так что американские сорта хлопчатника завозились также на территорию Туркестана и выращивались там взамен других зерновых культур, что потребовало большего водного обеспечения и технического развития ирригационной инженерии¹³. Но вместе со стремлением увеличить урожаи хлопка российские, а затем и советские, власти стремились усилить политическое влияние в регионе и превратить Центральную Азию в технически развитый субъект империи. С 1930-х шли работы по возведению ирригационных сооружений, пика же хлопководство стало достигать в 1960-е. Экстенсивное производство требовало чрезмерного количества водных ресурсов и удобрений, что привело к истощению почв, заболеваниям у сборщиков хлопка, вызванных ядовитыми пестицидами, и к экологической

-
- 11 Подробно о развитии центральноазиатской гидротехники в контексте культурной истории и антропологии см.: *Stapp С.Ф.* Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. М.: Интеллектуальная литература, 2017. С. 70.
 - 12 См. об этом подробную работу: *Peterson M.* Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
 - 13 Как подчеркивает Майя Петерсон, хлопок и колонизация — это две цели ирригационной политики российских технократов в Туркестане начала XX века (Там же). На исторически ключевую роль водного вопроса в становлении азиатских империй указал Карл Виттфогель, назвав последние «азиатскими деспотиями», из-за чего его работа пользуется неоднозначной репутацией у представителей постколониальной теории (См.: *Wittfogel K.* Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957). Артем Космарский считает сведение хлопкового проекта к одному из изводов «русского империализма» сомнительным, а также подчеркивает, что российские и американские инженеры прогнозировали возможное высыхание Аральского моря: *Космарский А.* Черные агрономы. Как дед Елены Ханги создавал хлопковую зависимость Туркестана // Фергана. 2018. 13 августа (URL: <https://www.fergananews.com/articles/10118>).

катастрофе — иссушению Аральского моря. Связь хлопка с экологическим ущербом косвенно проступает в тексте Абдуллаева, когда пейзаж цветущего хлопкового поля сменяется на сухую степь:

А в боковых окнах уже промелькивали, как теперь водится, не хлопковые поля, но глинобитные проулки без людей и собак... Там же, в заднем стекле, продолжали рваться ключья ровного, песчаного пейзажа: *степные впадины*, плавные сгибы вправо-влево скользящих, оплывая друг друга, нарывчатых *полупустынь*, адырный мыс, нависший над лепестками битых ракушек в доисторическом заливе, над призраком Сарматского моря.

Наслоение на хлопковые поля степного ландшафта может прочитываться как изображение теневой стороны хлопковой добычи — иссушения водных и земельных ресурсов. Но далее засушливый пейзаж трансформируется в «призрак Сарматского моря» — палеогидрологический образ существовавшего более четырех миллионов лет назад водоема. Такая «гидропоэтика» отсылает уже не к экологическим последствиям выращивания хлопка, но к воде как условию его произрастания. Для засушливых среднеазиатских земель вода — редкий ресурс, что обуславливается обширной ирригационной системой для ее поддержания. Во многих текстах Абдуллаева упоминаются различные искусственные водоемы¹⁴, в том числе и в «Язъяване». Кроме традиционных хаузов (узб. «пруд, водоем, бассейн») и арыков, в тексте фигурирует и более современный Большой Андижанский канал, построенный на территории Ферганской долины в 1966–1970-х годах. Но есть в рассказе и естественные водные источники, такие как булак (узб. «родник») и дарья (узб. «[горная] река»). В тексте имеется фрагмент, где возведенный человеком канал и природный булак работают сообща, причем обозначение второго как «лодочки ладоней» напоминает узбекскую поговорку о том, что для выращивания хлопка нужно усилие двух ладоней:

...ты просто, выходит, произнес про себя этот вопрос, и безглазые, бархатистые, тонкорунные микроорганизмы ветвились по ямчатому береговому позвоночнику *Большого Андижанского канала*, когда Мун остановил машину около двух тополей. Тормоз. Дверцы хлопнули; три хлопка; взгляд сползает с холма в ложбину, вниз, где курится овальная, совершенно безлюдная чайхана; под крайней тахтой для гостей вместо водопроводного крана бьется *булак*, чья влага на три мгновения свертывается, как ртутные ягодки, в *лодочках ладоней*, не выхлестывающих по-суннитски во все стороны драгоценные капли.

14 Характерность арыков, хаузов и прочих ирригационных сооружений проявляется не только в их постоянном присутствии в рассказах и эссе Абдуллаева, но и выражается в своеобразном «гидромышлении» — использовании механизма арыка как метафоры мыслительного процесса. Так, в эссе «Приближение окраин» есть такой фрагмент: «Суетливые “внезапные признаки” и статуарно-усталое “вчерашнего...”, столкнувшись, порождают плодотворные несогласия, и магнетизму как раз в подобном дискомфортном участке (*словно водный поток должен перетечь из одного арычного русла в другое по соединяющему их короткому канальчику — сообразно простейшим законам ирригационной оптики в нашей долине* [курсив мой. — А.Е.] надлежит быть доверием к утопии и уходом в эгоцентристскую перспективу и свежесть» (*Абдуллаев Ш. По поводу картины Вячеслава Усейнова «Тень несуществующего дома» // Абдуллаев Ш. Перечень: эссе. М.: Носорог, 2023. С. 81).*

Как и во фрагменте со степным и проглядывающимся сквозь него доисторическим морским пейзажем, здесь образы плавно сменяют друг друга и меняют масштабы: в геокритике такое явление обычно называется стратификацией. Остраняющие геопоэтические описания («позвоночник» канала, течение воды в роднике «по-суннитски») лишь подчеркивают детективный тон повествования, заданный в самом начале фразой: «С окрестных террас одноэтажного предместья доносится запах *зарезанной дыни*». Усиливают детективный тон и упоминания происшествий, не имеющих развития по ходу рассказа: про спасшую героя девочку Кариме, про партийных секретарей, в числе которых главный агроном совхоза «Ленин йули» (с узб. «Ленинский путь»), название которого указывает и на одноименную самаркандскую газету, главным редактором которой был будущий узбекский лидер Шафар Рашидов. В конце текста детективная интрига кинематографически нагнетается («будто по сценарию») и затем разрешается — возникает мертвое тело:

Внезапно хлынул ливневый дождь и сразу прекратился; Мун сбавил ход, на семь секунд свернул к обочине и вскорости, *будто по сценарию, который следует за раскадровкой часового механизма до эпизодического микрона, до мимического грана*, выехал к середине асфальтовой дороги и двинулся в даль, терпеливо с раннего утра собирающую на полыхающем горизонте хваленое марево, что в любом случае *при долгом, рапидном к нему приближении* оказывалось на поверку марафонским коридором степных масштабов, из которых выдохся мираж. Нет, не выдохся. Между прочим, три мойры по-прежнему трещат, как саранча, *над мужским телом, мертвым...*

Неоднозначность описанной смерти контрастирует с убийством боксера Хайдара Османоглы, случившимся весной 1970-го, что, в свою очередь, порождает временной пролепсис, заставляя воспринимать весь текст как более близкий по времени к читателю:

Помните Вовку Мустанга с Моталки, того, что *зарезал весной семидесятого года Хайдара Османоглы*, лучшего боксера в легком весе в нашем квартале, по пьяни пырнул его финкой прямо в сердце, — помню, как я, пацан еще, с моим тогдашним корешом, по имени, ладно, не важно, пробрались в глубину двора какого-то турецкого старейшины и оттуда наблюдали, как за *хлопчатобумажной* ширмой самые красивые месхетинки Садвинсовхоза обмывали белорозовое хайдаровское тело, и Мустанга позже на зоне «опустили», потому что он сто отжимов не смог сделать и...

Возникающие в этом отрывке хлопчатобумажная ширма в доме турецкого старейшины и наблюдающие из-за нее месхетинки из Садвинсовхоза встраиваются в детективную интригу.

Теперь можно вернуться к названию рассказа и авторскому комментарию к нему: «*Язьяван* — патриархальный, полусельский городок в Ферганской долине». Такую намеренно непримечательную характеристику можно сопоставить со следами позднесоветских криминальных событий в Узбекистане, разрушающих образ «патриархального предместья», столь частый у Абдуллаева. Пример схожего «неполитического политического» высказывания обнаруживается также на картине узбекистанского художника Вячеслава Усеинова

«Тень несуществующего дома»¹⁵. В эссе, посвященном картине, размышляя над личностью изображенного юноши, Абдуллаев привлекает образ «периферийной Истории» и упоминает конкретное политическое событие — июньскую резню 1989 года¹⁶.

Но, кроме того, в названии рассказа может обнаруживаться прямое общественно-политическое высказывание. Язъяванские пески носят статус государственного памятника природы с 1991 года за счет уникальных ландшафта (высокие разноцветные барханы), флоры и фауны (45 эндемичных видов растений и 14 видов животных). В 2020 году Госкомэкологии Узбекистана разрешил изъятие язъяванского песка для промышленных нужд, на что отреагировала специализирующаяся на экологических сюжетах ташкентская журналистка Наталия Шулепина¹⁷. Эта история вызвала общественный резонанс и, вероятно, могла лечь в основу рассказа Абдуллаева, поскольку текст датируется тем же годом, что и статья Шулепиной, и пересечение геологической и сельскохозяйственной тем в нем перекликается с содержанием журналистского расследования.

Анализ хлопкового следа в художественном тексте Абдуллаева демонстрирует, как трагическая социально-политическая история места может быть переведена в регистр геопоэтики¹⁸. Но через ландшафт и климат можно говорить не только о поэтическом своеобразии Ферганской долины — возможная аллюзия на экологический детектив вокруг язъяванских песков непосредственно

-
- 15 Картина писалась с 1995 по 2006 год, и этот период художник вспоминает так: «...лавина событий — и внешних, и внутренних, череда волнений, связанных с утратами и радостями». См.: Камцев Д. Вячеслав Усеинов: «Мы все имеем дело с реальностью, которую до конца не понимаем» // Фергана. 2006. 21 марта (URL: <https://www.fergananews.com/articles/4298>). При этом фигуративных намеков на политические события нет: картина изображает юношу, сидящего у стены сельского дома, и лесной пейзаж на фоне.
- 16 Речь идет о столкновениях между узбеками и турками-месхетинцами 5–9 июня 1989 года, одном из ряда кровавых инцидентов в республиках Центральной Азии на излете существования СССР. В эссе на картину Усеинова Абдуллаев пишет так: «Перед нами отнюдь не персонаж опустошенного чахлого меццоджорно сидит на табурете, закрыв глаза, и видит во внутренней складке своих век тот же пейзаж, на который мы смотрим снаружи. Эта фигура, пожалуй, все-таки принадлежит нашему наждачному предместью и сугубо нашей *периферийной Истории*, открытой Суду, если он состоится (как считал Пруст, искусство и есть подлинный *dies irae*, который, добавим, не прощает неточности). Что это — помин по полдню, или сиеста блатного среднеазиатского анашистки-анемичного, депрессивного фавна, или воскресный отдых запоздалого прерафаэлиты, познавшего синема-верите и *июньскую резню 1989 года?* [курсив мой. — А. Е.]» (Абдуллаев Ш. По поводу картины Вячеслава Усеинова «Тень несуществующего дома». С. 56).
- 17 Шулепина Н. Кто в ответе за Язъяванские пески Узбекистана? // Ливень. Living Asia. 2020. 13 мая (URL: <https://livingasia.org.kz/2020/05/13/kto-v-otvete-za-yazyavanskiye-peski-uzbekistana/>).
- 18 Помимо представленной криминальной интерпретации образа хлопка в рассказе, авторский эпитет «патриархальный» применительно к Язъявану может прочитываться как относящийся к исламскому благочестию — так, считается, что Мухаммад из всех тканей предпочитал носить одежду из хлопка, подтверждение чему находят в хадисе, в котором пророк рассказывает, что после изгнания Адама и Евы из Рая Аллах повелел ангелу Джебраилу дать им хлопок и научить ткать из него одежду. См.: Prophets in the Quran: An Introduction to the Quran and Muslim Exegesis / Ed. by V.M. Wheeler. London; New York: Continuum, 2002. P. 28.

выражает политическое чувство. В интервью Кукулину Абдуллаев характеризовал поэтику Ферганской школы как «незаинтересованную включенность»¹⁹, однако такая «ферганоцентричность», понятая как геоцентричность, производит политическое действие, наделяя правом «голоса» саму Ферганскую долину с ее далеким геологическим, недавним политическим прошлым — и актуальным настоящим.

Фланер-метеоролог из Латвии

Фотография Андрея Левкина, 2017 год. Источник: цифровой архив автора

В 2016 году в латвийском издательстве «Орбита» вышел сборник прозы Андрея Левкина «Дым внутрь погоды». На своей странице в *Facebook** 10 мая 2017 года Левкин опубликовал снимок с выбросами пара из труб ТЭЦ в качестве авторского уточнения такого названия книги, что демонстрирует писательское внимание к состоянию окружающей среды. Помимо названия с вероятным экологическим подтекстом, во всех текстах сборника обнаруживаются упоминания природно-климатических явлений:

¹⁹ Кукулин И. Фотография внутренностей кофейной чашки. С. 274.

* Деятельность компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* — запрещена на территории Российской Федерации Тверским районным судом 22.03.2022 года по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

А если все устроено так, то и сам можешь связывать что угодно, проводя линию тут, где зелень, вода, сырость, железо, камни, сумерки (или *солнце* — здесь найдется все, что понадобится), а дом повсюду рядом²⁰ («Здесь *ostatnia niedziela*», с. 13);

Всякие помещения, запах пыли, приглушенные звуки, слова «окно», «*туман*», что-нибудь черно-белое и «*осень*» (там же, с. 18);

Оттуда видна улица, дальше другая — поперек, за ее домами встает *солнце*. *Март, почти тепло. Солнце пока низко* и тени от собак очень длинные. Или, допустим, буква крупного граффити на ближней стене от каких-то *оптических колебаний природы* анимируется или это глаза обвыкают заново глядеть на эти виды («Птица для R. D. Laing'a», с. 35);

Там было недоуловленное ощущение, а теперь кофейня связала всю эту выпечку в Кришну, *когда уже совсем весна и солнце*. Да, в Каунасе *солнце было тоже*, когда свернули на улицу, где обнаружилась кофейня, *оно было ровно в лицо* («Все-ленская форма Каунаса», с. 48);

жара, тут пока еще 24 мая, 1 час 16 минут до 25-го, *сумерки начались пока еще лишь только в виде тучи* («24.05.2014, СПб», с. 53);

Но любопытно, что после этого вокруг *будет не холод, а теплая сырая погода, внутри которой пальцы не отличить от воздуха* («Ночное вламывание кошки Ч.», с. 116).

Нередко погода с письмом связана не напрямую, а посредством социально-политического. Так, в небольшом тексте Виктора Топорова «...И о погоде» климат фигурирует в общеупотребимых смыслах: как атмосферное состояние («крещенские морозы») и как метафора («климат политический»)²¹. На документировании погодных сводок строится и книга Алексея Конакова «Дневник погоды (дисторшны)», где погода осмысливается как дискурс («погода — наш самый любимый мультфильм, главное развлечение внутри ежедневности и позднего капитализма»²²). Такую модель Конаков заимствовал у Леона Богданова из его «Заметок о чаепитии и землетрясениях» — книги, составленной из дневниковых текстов, в которых описываются повседневные занятия: наблюдения за погодой из окон квартиры, заваривание индийского чая, чтение книг о восточной культуре, новостные сообщения о природных катаклизмах

20 Здесь и далее тексты из сборника «Дым внутрь погоды» цитируются по следующему изданию с указанием в скобках страниц и, где необходимо, названия конкретного текста сборника: Левкин А. Дым внутрь погоды. Рига: Орбита, 2016.

21 См.: Топоров В.Л. Жесткая ротация: эссе. СПб: Амфора, 2007. С. 57. На этой двусмысленности строится рассуждение Левкина в эссе, о котором речь пойдет далее: «Отчего у нас так ветшают всякие белые плоскости? Климат, наверное, виноват» (Левкин А. Искусство прозы, а заодно и поэзии / Сост. С. Снытко, А. Заполь. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 219). У Оливии Лэнг в книге «Непредсказуемая погода», составленной из текстов для одноименной колонки в газете, речь идет не о погодных сводках, но о «политической погоде» (проблема беженцев, терроризм, Брексит, изменения в законодательстве, касающиеся вопросов секса и абортотв и т.д.) и художественных формах «сопротивления» (Лэнг О. Непредсказуемая погода. Искусство в чрезвычайной ситуации / Пер. с англ. Н. Решетова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. С. 11, 12).

22 Конаков А. Дневник погоды: (дисторшны). СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. С. 98.

и политических событиях и т.д.²³ Более изощренные по форме наблюдения за повседневностью собраны в небольшой книге Натальи Явлюхиной с характерным названием «Цикады холода (Дневник наблюдений за климатом)» (2023).

Соотношение погодно-климатических условий и социокультурного развития государства или народа проявляется не только в пространстве художественной прозы, но имеет долгую интеллектуальную историю. Уже в XIV веке у арабского политического мыслителя Ибн Халдуна в «Мукаддима» — введении к его историческому трактату «Китаб аль-Ибар» («Книга наставлений», 1377) — указывается на прямую связь климата, в частности воздуха²⁴, с жизнью человеческих обществ²⁵. В XX веке Тэцуро Вацудзи, представитель Киотской философской школы, утверждает, что климат наряду с историей формирует социальное измерение человеческой жизни, создавая особую «историко-климатическую структуру»²⁶. Вацудзи предлагает определять человека в том числе через климатический характер («the climatic character»), обсуждая три типа климата — муссонный, пустынный и луговой²⁷, — в соответствии с которыми можно говорить об особенностях исторического развития.

Наиболее «климатическими» по отведенным климату и погоде ролям у Левкина оказываются два текста сборника. Так, во «Вселенской форме Каунаса» взгляд нарратора перемещается от горы (скорее всего, имеется в виду холм Алексотас, к которому ведет фуникулер, также отмеченный в рассказе) к расположенному через реку Неман городу, что сближает текст с экфрасисом в стиле китайского пейзажа шань-шуй (кит. 山水, буквально — «горы и воды»):

23 Как и Конаков, Левкин выделял фигуру Богданова как ключевую в определении специфики неофициальной литературы. См.: Левкин А. Заметка о Леоне и Богданове // Русская проза. Вып. Б. 2012. С. 8–10.

24 В современном персидском языке это слово также означает «воздух» (هوا) и используется в тех фразах, когда речь идет о погоде.

25 «Исследуй так климаты и земли — и везде обнаружишь влияние воздуха на местные нравы...» (Цит. по: Ибн Халдун. Введение (ал-Мукаддима) / Сост., пер. с араб. и примеч. А.В. Смирнова // Историко-философский ежегодник. ИФ РАН. М.: Наука, 2008. С. 197). Одни из внимательных читателей Ибн-Халдуна, а именно Ж. Делёз и Ф. Гваттари, были вдохновлены его работой в своих размышлениях о номадологии и о гладкой и рифленой поверхностях земли. В частности, Делёз и Гваттари писали о кочевом образе жизни как «машине войны», которая, в отличие от государства/империи с его стремлением к установлению границ и сегментированию территории, представляет собой открытую систему знания и стремится к ризоматическому, ненерархическому расширению в пространстве. То есть, по версии Делёза и Гваттари, кочевничество, или номадизм, не предшествует государству, как писал Ибн-Халдун, но выступает его абсолютной альтернативой (Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Кн. 2: Тысяча плато / Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецова. Екатеринбург; М.: У-Фактория; Астрель, 2010).

26 Watsuji T. A Climate. A Philosophical Study. Trans. by G. Bownas. Ministry of Education, Japan: Printing Bureau, Japanese Government, 1961. P. 10.

27 По Вацудзи, доминирующими чертами человека во влажном муссонном климате выступают покорность и смирение, что, в случае с примером Индии, определяет их философию, непротивление по отношению с воинственными соседями из пустынь и степей, а также колониальный статус в период Британского доминиона. Человек из сухой и мертвой пустыни борется за жизнь, поэтому его чертами будут воинственность как к среде, так и к другим людям, а также кочевничество как постоянный поиск лучших условий, и эти качества обуславливают возникновение монотеистических религий с человекоподобным богом (христианство, иудаизм, ислам). Луговой

Ночью гора темная, тоже из чего-то все того же одного.

Темная и сырая, света на ней совсем мало — фонарей и окон, каждая горящая точка отдельно. Она получается продырявленной огнями — темная корка, кое-где светящаяся изнутри: будто это внутри светящееся вещество. Город внизу такой же, огней там больше, но и они разрозненные, не сливаются. Полнолуние сверху — той же системы, а с утра внизу было какое-то время белое, быстро растаяло. То есть, снег пошел еще ночью: потом курили у окна — уже падал, заметал в комнату. Чисто махасамадхи какое-то, если бы оно тоже решило принять тут форму. Все как всюду всегда.

<...> Да, еще в Каунасе тогда был ветер, на котором можно лежать, на стрелке речек: откидываешься на спину и не падаешь — лежишь на нем. Чайки там пытались взлететь, у одного из берегов их колония, их отбрасывало метров на десять, едва они пытались расправить крылья. То ли в самом деле ничего не могли поделывать, то ли развлекались. А потом ветер стих и ночью пошел снег (с. 49).

Погодные явления (снег, ветер) вместе с упоминанием смены суток (утро, ночь) формируют, пользуясь выражением из соседнего текста сборника, «оптические колебания природы», что в пейзажах шань-шуй передается пустыми участками полотна, которые древний китайский художник и поэт Ван Вэй называл вторжением «белой пустотности» неба и земли «в главное изображение»²⁸. По словам советского востоковеда Елены Завадской, такая незавершенность изображения есть «проявление принципа недосказанности и неисчерпаемости бытия», характерного для чань-буддийского искусства²⁹. Гонконгский философ Юк Хуэй, опираясь на известную работу французского философа и сиолога Франсуа Жюльена «Великий образ не имеет формы», а также учитывая интеллектуальную философскую традицию как Востока, так и Запада, приравнивает китайскую живопись к философскому высказыванию, а художников шань-шуй — к философам³⁰. Текст Левкина, уподобленный пейзажу благодаря описаниям погодных состояний и отсутствию четкого сюжета, может восприниматься как освобождение письма от субъективности, на что ука-

или пастбищный климат формирует в человеке уверенность в результате своей деятельности, поэтому в Европе преобладает техникстское и рациональное мышление. Эти три типа служат Ваудзи объяснением специфики японского мировоззрения, которое, будучи муссонным по типу климата, испытало сильное влияние как христианства, пустынного по происхождению, так и европейских науки и техники, относящихся к пастбищному климату.

28 Цит. по: Завадская Е.В. Культура Востока в современном западном мире. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. С. 53.

29 Там же.

30 «Живопись шань-шуй служит местом встречи человеческого и космического. В этой встрече нет ни трагического насилия, ни романтического возвышенного. Вместо этого мы находим умеренность (пин дань, 平淡), которая не преувеличивает и не возбуждает эмоции, как это делает трагедия. Умеренность здесь не подразумевает однообразия или прозаичности, поскольку это понятие воплощает в себе противоположности и неделание, полное еще не проявленного потенциала (нэн фа чжи вэй фа, 能發之未發). Художники шань-шуй — это прежде всего философы, поскольку они обучены не изображению того, что они видят, а конструированию форм участия, в которых горы и воды аналогичны тому, что Симондон называет «ключевыми точками» (Хуэй Ю. Искусство и космотехника / Пер. с англ. А.В. Смоляка. М.: АСТ, 2024. С. 253).

зывает и упоминание йогического состояния махасамадхи³¹, во время которого у практикующего останавливается психическая активность и степень сосредоточенности приводит к освобождению вплоть до выхода из тела³².

В тексте «4bdn_wrdz» количество упоминаний погоды заметно возрастает, причем снова не на уровне сюжета, а на уровне метатекста — процесс вербализации ощущений соплагается атмосферному формированию погоды:

Ветрено, солнце. Сирень темно-лиловая или не распустилась еще полностью. Не помню, какой она тут должна быть. Но нет никакого пойнта, фишки, чтобы они распространяли вокруг себя эти окрестности или, хотя бы, оказались внутри них.

Значит, что-то будет формулировать себя вдоль описания, раз уж зацепилось (с. 57);

Какое-то количество разных штук в тех или иных отношениях друг с другом образуют конструкцию, которая учитывает все вокруг, в том числе — погоду и побочные мелкие смыслы, после чего производит: что-то сначала улавливает, потом недолго содержит в себе, а затем уже и производит некий паттерн или же JSjf()m, который тоже не имеет тут общепринятого слова (с. 59);

Летний, еще не темно, вечер, около восьми, суббота (не так важно, разве что дождь, да и тот едва-едва) — это лишь зафиксировать воздействия-обстоятельства (с. 69).

В следующей ниже цитате погода не уступает городу в роли текстоорганизующего принципа, а с точки зрения типологии Вацудзи можно дать климатическую характеристику нарратора — луговой тип с выраженным вниманием к полусвещенным пространствам, теням, свойственным климату европейской части³³ евразийского континента:

31 Первоначальное название рассказа — «Вселенская форма Кришны» — обыгрывается Левкиным в очерке о стрит-арте Каунаса, когда на одной из стен улиц он увидел изображение другого верховного бога индуизма, Шивы. См.: *Левкин А.* Каунас: инвентаризация методов // *Arterritory.com*. 2016. 29 ноября (URL: https://artterritory.com/ru/vizualnoe_iskusstvo/stati/17978-kaunas_inventarizacija_metodov). Осведомленность Левкина в восточной культуре демонстрируется и его кругом чтения, представление о котором можно получить в интервью Дмитрию Бавильскому. Отвечая на вопрос о смысле названия книги «Серо-белая», Левкин делает отсылку к «Оранжевой книге» Раджниша, более известного как Ошо: «Серо-белая, она же... ну, не пародия, но развлечение в известном жанре — есть же “Оранжевая книга”, Раджниша». На реплику Бавильского с интерпретацией прозы Левкина как «карты внутренней жизни» последний дает ироничный комментарий и дословно цитирует чаньский «Трактат об основах совершенствования сознания»: «Да и сам термин “внутренняя жизнь” смутен: еще Хун-Жэнь, пятый патриарх нудил: “Узрев свое сознание, продолжайте вглядываться в него, не помещая его ни внутри, ни вовне”». См.: *Бавильский Д.* Внутри слепого пятна. Андрей Левкин отвечает на вопросы Дмитрия Бавильского // *Топос*. 2003. 30 июня (URL: <https://www.topos.ru/article/1322>).

32 Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996. С. 388.

33 В одном из фрагментов этого рассказа Левкин как бы перенимает анализ Вацудзи, совмещающая историческое, географическое и климатическое описание города: «У Европы есть шаблон: должна быть река, к ней полукругом примыкает исходный город (замок-собор-амбары-итп). Здесь о Европе, которая севернее жары, но и не вовсе север — там схему ломают фьорды» (с. 60).

Ну и физически влажно, это приятно личной тушке, а еще лучше тут следующему за ней тебе — чему-то еще, какому-то тому, *который снова в своей природе*. Тело-то да, здесь тоже дома, но оно быстро привыкнет, наутро не помнит разницу.

А этот следующий какой-то, *kaut k äds, Irgendwer* некоторое время (не мгновенно) *встраивается в погоду, в память, во все прочее*. Он, то есть, когда был не здесь, был, получается, пересохшей рыбкой. Наконец-то снова опять *в своей воде*.

Тут ветер, запах дыма, сырость, оптика то резкая, *то размывающаяся туманом, пустота*, твердые большие непрерывные кварталы почти — через улицы — встык.

Дворы внутри них, там песок, коты, георгины, астры, бархатцы, брандмауэры, цветные окна, красные кирпичные церкви, булыжник, всего вокруг мало, тихо. Человек такой-то, человек такой-то, человек такой-то. Этот умер, тот — тоже умер, уехал, еще где-то тут. Страна такая, потом такая, потом такая, потом такая, потом такая, потом еще раз другая, а теперь уже и снова такая; буквы разные-газпье, город все тот же (с. 73).

Происходит наложение друг на друга природно-климатических элементов (вода, цветы, туман) и городских деталей (дворы, улицы, брандмауэры), которые как бы слипаются в *пустоте*, образованной, с одной стороны, туманом, а с другой — дымом. При этом туман может выражать здесь восточную пустотность, схожую с картинами шань-шуй, а дым — маркировать техництское отношение к среде (можно вспомнить снимок Левкина с выхлопами пара). Таким образом, согласно Вацудзи, можно понимать погоду как нелинейность, непрогнозируемость жизни, и, напротив, видеть в городе рациональный и постигаемый объект. В терминах другого выдающегося мыслителя Киотской школы, Китаро Нисида, речь идет о двух типах культуры, одна из которых характеризует Восток, а другая — Запад: культура небытия или не-формы и культура бытия или формы³⁴. И Вацудзи, и Нисида стоят у истоков сравнительной культурологии в Японии, но если Вацудзи разграничивал культуры через их климатическую специфику, то Нисида — путем выявления и соотнесения их метафизических оснований. Культуру Востока, главным образом Китая, Индии и Японии, Нисида определял как стремящуюся к бесформенности и основывающуюся на идее ничто, тем самым обнаруживая дзен-буддийские корни своей философии³⁵. Он помещает ничто в систему уровней басё — особой категории киотской мысли, которую можно перевести как «место» или «локус»³⁶. Определяя ничто не как отрицание бытия, но как его фон или басё³⁷,

34 Михалев А.А. Проблема культуры в японской философии. К. Нисида и Т. Вацудзи. М.: ИФ РАН, 2010. С. 17–18.

35 См.: Heisig J. Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School. Honolulu: University of Hawaii. 2001. P. 8; Хуэй Ю. Искусство и космотехника. С. 325.

36 Heisig J. Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School. P. 299–300.

37 На место небытия в западной философии Нисида помещает басё, которое определяет как фон не только для бытия, но для самой оппозиции бытия и небытия: «Чтобы распознать то, что *есть*, мы распознаем это в противопоставлении тому, чего *нет*. Но *то, чего нет*, распознанное в противопоставлении *тому, что есть*, тем самым все еще является противопоставленным бытием. Истинное ничто должно быть тем, что охватывает такое бытие и ничто; оно должно быть басё, в котором такое бытие и ничто устанавливаются» («In order to recognize that which *is*, we recognize it in contrast to that which *is not*. But *that which is not*, recognized in opposition to *that which is*,

Нисида тем самым избавляется от субъектоцентричности и бытие-центричности³⁸ в своей собственной теории познания. Юк Хуэй использует категорию *басё* для обоснования позитивного потенциала ничто, определяя последнее как «историческое пространство, в котором вещи обретают свое место и в котором развитие не встречает препятствий»³⁹. Рассуждая об искусстве шаньшуй, Хуэй трактует характерное для этих картин перетекание друг в друга фигуры и фона как эстетическое выражение позитивного ничто. Смотрящий на картину шаньшуй субъект может ощутить *басё* изображенного мира, то есть увидеть не заданный фон, но динамическую и открытую к взаимодействию среду или же локальность⁴⁰. В случае Левкина образ города, постоянно колеблющийся из-за погодно-климатических условий и пересобирающийся за счет новых элементов разного порядка, может рассматриваться как пример *басё* или локального ничто, поэтому закономерно происходит «растворение» субъекта письма:

Влажность & сырость медленно&&мягко введут тебя в irgendwo, в невесть где, а также в невесть когда, irgendwann. Да и не вводят, сам растворяешься (с. 75).

В этом смысле характерен один фрагмент из эссе Левкина «Обольщение: Западная Россия». Сопоставляя ощущения русского рижанина в периоды сразу после развала СССР и современности, Левкин выделяет чувство провинциальности, которого не было в 1990-х, — оно появилось позже, с обретением Латвией статуса европейского национального государства, «поскольку пьесу ей пишут не местные, а всякие западные люди»⁴¹. До этого периода Рига описывается как место, откуда «тянулись длинные ниточки, в разные стороны»⁴², — открытая перспектива определения культурного и политического будущего страны. Потеря этой открытости в новом ощущении провинциальности, по видимому, остро отозвалась в Левкине, о чем может свидетельствовать почти назидательный тон и обращенный как бы к самому себе призыв разорвать все «ниточки» и освободиться:

Потом становится понятным: войди под свою кожу. Что тебе эти ниточки, большая часть которых сомнительна, а другая придумана, — после чего и прекращаешь быть провинциалом, даже если и казалось, что ты им не был. Отгрызи все те ниточки, важность половины которых была преувеличена, а вторая — вообще

is [thus] still an oppositional being. True nothing must be that which envelops such being and nothing; it must be a basho wherein such being and nothing are established») (*Nishida K. Place and Dialectic: Two Essays by Nishida Kitaro / Ed. by J.W.M. Krummel. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 55*). Подробнее о категории *басё* см. ввводную статью комментатора и переводчика Джона Краммеля к англоязычному изданию работы Нисиды: *Krummel J.W.M. Basho, World, and Dialectics: An Introduction to the Philosophy of Nishida Kitaro // Nishida K. Place and Dialectic... P. 3–49*.

38 Как поясняет Дж. Краммель, философия *басё* может быть названа объектоцентричной. Сам Нисида утверждал возможность помыслить знание до его тематизации или объективации, что может быть обозначено в терминах западной философии как смещение внимания с субъекта на предикат (*Ibid. P. 14–15*).

39 Хуэй Ю. Искусство и космотехника. С. 349.

40 Там же. С. 342, 348–349.

41 Левкин А. Обольщение: Западная Россия // Левкин А. Искусство прозы, а заодно и поэзии. С. 218.

42 Там же. С. 217.

придумана. Пойми, что без тебя мироздание отлично бы обошлось, дай себе пять минут, когда ты знаешь, что можешь обойтись и без мироздания, — что делает тебе ту же свободу, что и избавление от ниточек, — в отношении меняющихся исторических перспектив⁴³.

Напоминающее практику очищения разума перед медитацией, это высказывание сочетает свойственный неевропейскому типу мышления антииндивидуализм с видением истории («провинция — мироздание») на локальном и абсолютном уровнях одновременно и сближает мысль Левкина с философией Киотской школы. Во многом именно беспокойная историческая обстановка в период между двумя мировыми войнами и милитаризация Японии мотивировали киотских философов, с одной стороны, погружаться в культурно-климатические истоки разных регионов, а с другой — искать выход в размышлениях об абсолютных локусах — бытии и небытии⁴⁴. Для Левкина актуальный исторический процесс служит пространством практики десубъективации, что в свете буддийской философии прочитывается не как политическая апатия, но как освобождение от исторической предзаданности и обретение субъектности иного порядка — одновременно и локального, и внеисторического креативного сознания.

Заключение: между геокритикой и климатом

Геокритический и климатологический подходы к «периферийной» русскоязычной литературе выявили лежащие за стилистическими особенностями письма пласты экологического, политического, исторического и философского мышления и воображения. В случае Шамшада Абдуллаева сплетение геополитических образов степи, хлопка, воображаемого моря нанизывается на грубые нити основы узбекского ковра: репрессивный политический режим, трудовое угнетение людей разных возрастов, зависимая по отношению к центру экономическая ситуация, экологический кризис. В этой мерцающей историчности кроется своеобразие текстов Абдуллаева и через них — Ферганы как конкретного историко-географического места и онтологического состояния. В таком ключе Ферганская школа предстает как своеобразный проект по исследованию места и его истории, а рассказ «Язъяван» — как геополитическая реакция на антропогенное разрушение не только уникального ландшафта природного заповедника, но и *истории ферганской земли*.

Острым ощущением «климата истории» обладал и Андрей Левкин, не только писатель, но и журналист, публиковавшийся на одной из первых аналитических интернет-платформ «Полит.Ру». Литературу же Левкин понимал как место, где не «штампуются рутин», а создаются «новые территории»⁴⁵, от-

43 Там же. С. 220.

44 См.: *Osaki H. Nothingness in the Heart of Empire. The Moral and Political Philosophy of the Kyoto School in Imperial Japan. New York: State University of New York Press, 2019.*

45 В одном из текстов другого сборника эссе Левкин определяет два типа литературы — сюжетный тип, характеризующийся наличием героев и сериального механизма перипетий, и описательный тип, который «расписывает пространство», например трактаты, «мировоззренческие концепты», роман «Тайственный остров» Жюль Верна. Ср.: «...большая часть граждан предпочитает репродуцировать свои чувства,

сюда может проистекать своеобразие его прозы и ее как бы безжанровость, сочетающая дневник, тревелог и философское письмо⁴⁶. Нахождение уникальных словесных комбинаций для описания ощущений от конкретной среды города может рассматриваться, с оглядкой на киотскую философию и китайскую живопись, как басё города. Можно сказать, что задача Левкина в текстах сборника «Дым внутри погоды» (впрочем, и не только в них) — не познакомить читателя с тем или иным городом, используя его топонимику для географически точного описания, но зафиксировать ощущение от нахождения в пространстве, не прибегая к готовым образам, через бесформенность выразить локальность. В политическом измерении речь идет о том, чтобы сломать автоматизм восприятия истории, места и себя в них; в экологическом же — постоянно обращать внимание на состояние среды и отличать дым от погоды.

Библиография / References

- Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 2: Тысяча плато / Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свицкого; науч. ред. В.Ю. Кузнецова. Екатеринбург; М.: У-Фактория; Астрель, 2010.
- (Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux. Capitalisme et schizophrénie 2. Yekaterinburg; Moscow, 2010 — In Russ.)
- Еременко А.А. От топографии места к томографии текста: урбанистическая нарративность в прозе Андрея Левкина // Новый филологический вестник. 2024. № 69. С. 260–271.
- (Eremenko A.A. Ot topografii mesta k tomografii teksta: urbanisticheskaya narrativnost' v proze Andrey Levkina // Noviy filologicheskij vestnik. 2024. № 69. P. 260–271.)
- Завадская Е.В. Культура Востока в современном западном мире. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.
- (Zavadskaya Ye.V. Kul'tura Vostoka v sovremennom zapadnom mire. Moscow, 1977.)
- Ибн Халдун. Введение (ал-Мукаддима) / Сост., пер. с араб. и примеч. А.В. Смирнова // Историко-философский ежегодник. ИФ РАН. М.: Наука, 2008. С. 187–217.
- (مقدّمه ابن خلدون / Ed. by A.V. Smirnov. Moscow, 2008 — In Russ.)
- Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996.
- (Induizm. Dzhaynizm. Sikkhizm: Slovar' / Ed. by M.F. Al'bedil' and A.M. Dubyanskogo. Moscow, 1996.)
- Конаков А. Преодолевая автаркию (О «Заметках» Леона Богданова) // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 244–251.
- (Konakov A. Preodolevaya avtarkiyu (O «Zametkakh» Leona Bogdanova) // Novoye literaturnoye obozreniye. 2015. № 134. P. 244–251.)
- Корчагин К. «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // Новое литературное обозрение. 2017. № 144. С. 448–470.
- (Korchagin K. «Kogda my zamenim svoy mir...»: ferganskaya poeticheskaya shkola v poiskakh postkolonial'nogo sub'yekta // Novoye literaturnoye obozreniye. 2017. № 144. P. 448–470.)
- Кукулин И. Фотография внутренностей кофейной чашки // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 262–282.

а тогда им все равно, что подали на вход. Но у других-то от повторяемости возникает тошнота, им хочется иных форм проведения досуга и жизни, а не штамповки рутины. Им-то и нужны новые территории» (Левкин А. Культурный код // Левкин А. Счастлиловка. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 19–20).

46 См.: Еременко А.А. От топографии места к томографии текста: урбанистическая нарративность в прозе Андрея Левкина // Новый филологический вестник. 2024. № 69. С. 260–271.

- (*Kukulin I. Fotografiiya vnutrennostey kofeynoy chashki // Novoe literaturnoe obozrenie. 2002. № 54. P. 262–282.*)
- Михалев А.А.* Проблема культуры в японской философии. К. Нисида и Т. Вацудзи. М.: ИФ РАН, 2010.
- (*Mikhalev A.A. Problema kul'tury v yaponskoy filosofii. K. Nisida i T. Vatsudzi. Moscow, 2010.*)
- Снытко С.* Субъект и жанр в «поэтике ущерб» (О «романах» Андрея Левкина) // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 252–277.
- (*Snytko S. Sub'yekt i zhanr v «poetike ushcherba» (O «romanakh» Andrey Levkina) // Novoye literaturnoye obozreniye. 2015. № 134. P. 252–277.*)
- Старр С.Ф.* Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. М.: Интеллектуальная литература, 2017.
- (*Starr S.F. Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane. Moscow, 2017 — In Russ.*)
- Хуэй Ю.* Искусство и космотехника / Пер. с англ. А.В. Смоляка. М.: АСТ, 2024.
- (*Hui Y. Art and Cosmotechncs. Moscow, 2024 — In Russ.*)
- Чакрабарти Д.* Климат истории: четыре тезиса // Чакрабарти Д. Об антропоцене / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V-A-C Press, 2020. С. 4–75.
- (*Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theases Moscow, 2020 — In Russ.*)
- Юнусова Х.Э.* Социально-экономические процессы и духовная жизнь в Узбекистане в 80-х годах XX века. Автореф. дисс. на соиск. степ. канд. ист. наук. 2009.
- (*Yunusova Kh.E. Sotsial'no-ekonomicheskiye protsessy i dukhovnaya zhizn' v Uzbekistane v 80-kh godakh XX veka. Avtoref. diss. na soisk. step. kand. ist. nauk. 2009.*)
- Andersen G.* Climate Fiction and Cultural Analysis: A New Perspective on Life in the Anthropocene. London: Routledge, 2019.
- Heisig J.* Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School. Honolulu: University of Hawaii. 2001.
- Nishida K.* Place and Dialectic: Two Essays by Nishida Kitaro / Ed. by J.W.M. Krummel. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Osaki H.* Nothingness in the Heart of Empire. The Moral and Political Philosophy of the Kyoto School in Imperial Japan. New York: State University of New York Press, 2019.
- Peterson M.* Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Prophets in the Quran: An Introduction to the Quran and Muslim Exegesis / Ed. by B.M. Wheeler. London; New York: Continuum, 2002.*
- Trexler A.* Anthropocene Fictions: The Novel in a Time of Climate Change. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2015.
- Watsuji T.* A Climate. A Philosophical Study / Trans. by G. Bownas. Ministry of Education, Japan: Printing Bureau, Japanese Government, 1961.
- Westphal B.* Geocriticism: Real and Fictional Spaces. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- Wittfogel K.* Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957.